

Кир Булычев

Город наверху

Кир Булычев
Город наверху

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123514

Булычев К. Поселок: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 978-5-425-03701-5

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	7
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кир Булычев

Город наверху

ПРОЛОГ

Зал Совета директоров много лет не ремонтировали, священные фрески, которыми был расписан потолок, почти выцвели, пошли замысловатыми пятнами сырости, придававшими загадочность батальным сценам.

Господин директор Спел разглядывал потолок, словно стараясь угадать смысл в изображениях. Он не хотел показывать, что интересуется происходящим.

Господин директор Мекиль, начальник полиции, уже заканчивал свою разгромную речь, и до слуха Спела долетали лишь отрывки фраз: «...преступно нарушив Порядок, инженер Лемень... опорочив честное имя одного из самых уважаемых семейств, инженер Лемень...»

Мекиль, по прозвищу Мокрица, имел в виду семейство Спелов. Инженер Лемень вознамерился жениться на дочери Спела.

Шестнадцать директоров, сидевших в жестких деревянных креслах вокруг массивного, отполированного локтями стола, слушали внимательно, и каждый из них старался понять, какую угрозу для них таит гневная речь Мокрицы. То-

щий, мрачный, похожий на летучую мышь, Первый директор Калгар задумчиво крутил пальцами колокольчик. Его не устраивало усиление позиции начальника полиции.

Калгар покосился на Спела. Тот разглядывал фрески на потолке. Он не посмел пойти против Мокрицы и теперь делает вид, что слова Мекиля его не касаются.

Мокрица кончил говорить. Директора зашевелились. Кто-то кашлянул. Калгар поднялся. Он был Первым директором, и ему проводить голосование.

– Господин Спел, – сказал Калгар. – Согласны ли вы, что нарушитель Порядка инженер Лемень заслуживает смерти в Огненной Бездне?

Спел наклонил голову.

– Господин генерал-директор?

Сверкающая нашивками туша колыхнулась.

– Без сомнения.

– Господин директор шахт?

Директор шахт долго жевал губами, изображая работу мысли. Калгар подумал, что Мокрица заплатил ему, но недостаточно.

– Полагаю, что поступки инженера Леменя выходят, так сказать, за рамки... А его идеи о существовании Города Наверху?

– Мы судим Леменя не за идеи, а за нарушение Порядка, – перебил его Мекиль.

– Да, – сказал директор шахт быстро. – Да, да.

– Господин директор коммуникаций?

У директора коммуникаций болит печень. Он морщится, прислушиваясь к боли, достает флакон с лекарством и машет свободной рукой – конечно, что там обсуждать...

Когда последний из директоров проголосовал за смерть Леменю, Калгар отцепил висящий на нагрудной цепи небольшой ключ от Переговорной.

– Тогда, – сказал он, – в согласии с традициями и Порядком мы должны сделать Всеобщее оповещение. Господин директор Спел!

Хранитель ключа от Переговорной, директор Спел, медленно поднялся.

Мокрица смотрел на директоров. Это был час его торжества.

У двери Спел обернулся. У черной портьеры, скрывающей вход в зал заседаний, среди чиновников, жрецов, лакеев и охраны стоял его сын в форме офицера тайной стражи. Спел-старший встретился с ним взглядом. Спел-младший незаметно кивнул.

Глава 1

ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

Крони проснулся раньше обычного. За порогом шуршали шаги, скрипели голоса, слышались вздохи и тяжелый кашель – ночная смена шла с асбестовой фабрики. Обычно он просыпался, когда шаги затихали. Просыпался от тишины. Крони вспомнил, что будет сегодня. Он пойдет вниз.

Крони сбросил рваное одеяло и ступил босиком на пол. Лампада перед дешевой статуэткой бога Реда совсем погасла. Поджимая пальцы сухих мускулистых ног, чтобы не так обжигало холодом камня, Крони подошел к столу, нащупал банку с земляным маслом и подлил в лампаду. Стало светлее и как будто теплее. Прозрачные пауки кинулись прочь из круга света, попрятались по темным углам.

Крони поглядел в осколок зеркала, прислоненный к ногам статуэтке. Осколок редко удостаивался такой чести. Лицо не уместилось в нем, – Крони увидел лишь светлый глаз, клочок рано поседевших жестких волос, тонкий нос, тень которого скрывала запавшую щеку и глубокую морщину, спускающуюся к углу бледных губ. Со вчерашнего дня на лице остались полосы сажи. Крони решил умыться.

Он собрался, взял сундучок с инструментами, завернул в тряпку и сунул в карман липкий холодный кусок вчерашней

каши. Башмаки стояли у порога. Крони задул лампаду.

У ручейка, наполнявшего круглый бассейн, уже собрались женщины. Некоторые стирали, другие пришли за водой, но не торопились уйти.

– Иди отсюда, – зашумели они, когда увидели, что Крони раздевается у края бассейна. – Ты нам всю воду испортишь, вонючий трубарь.

Крони не стал с ними разговаривать. Он сел на край бассейна и опустил ноги в холодную мыльную воду.

– Сейчас мужа позову, – пригрозила Ратни, жена квартального стражника.

– Позови, – поддержали ее женщины. – Пускай моется в луже.

Крони достал из сундучка кусок мыла.

– Зачем тебе столько мыла? – спросила старуха, которая жила над Крони. – Оставь мне.

– Не бери, – сердилась Ратни. – У него мыло поганое.

– Такое же, как у всех, – сказал Крони.

– От него плохо пахнет, – сказала незнакомая девушка.

– Ты-то сама здесь не по праву! – крикнула старуха, которая надеялась, что Крони отломит ей мыла.

– Дура, – сказала Ратни. – Не знает, что мой племянник женился.

Женщины засмеялись и стали издеваться над старухой, потому что племянник Ратни женился очень выгодно и его жена пришла сверху, из семьи мастера.

Крони решил не окунаться. Он нагнулся и намылил шею и голову.

Какая-то из женщин, он не видел кто, чтобы выслужиться перед Ратни, подкралась сзади и вылила на него ушат с мыльной водой. Крони от неожиданности съежился, свалился в воду, и его штаны промокли. Женщины потешались над ним. Одна хотела сбросить в воду и его сундучок, но старуха села на него. Она еще надеялась, что Крони отдаст ей мыло.

Крони, чертыхаясь, вылез из воды и отошел в черную нишу, чтобы выжать штаны. В нише воняло испражнениями. Когда он вернулся к бассейну, старуха слезла с сундучка и, ничего не говоря, протянула корявую руку. Крони отдал ей кусок мыла, который не выпустил, когда упал в бассейн. Он подобрал сундучок и пошел, приглаживая мокрые волосы. Сзади женщины кричали старухе, чтобы она отдала им мыло.

– Тебе все равно подыхать скоро.

Старуха отругивалась.

В другой день Крони взбесился бы от такой неудачи, но сегодня было иначе. Он дождался грузового лифта и поклонился стражнику. Стражник отвернулся. Здраваться с трубарем он не хотел. Но знал его уже лет шесть и не обижал. Лифт пошел вниз.

Крони ехал раньше, чем обычно, и потому в лифте оказались не те, с кем он ездил всегда. Крони вдруг подумал, что в своей жизни он встречал очень немного людей. Одних и тех же. С кем работает, с кем ездит и кое-кого из соседей.

Некоторых еще не видел, о некоторых только слышал. А еще есть люди, которых трудно считать людьми, потому что они подобны наводнению или обвалу. Это сборщик или те, кто приходит с месячным обыском. Или человек от ростовщика. Крони знал, что почти все на уровне живут так же. Только у старухи меньше знакомых, а у господина Ратни больше.

Лифт останавливался. В него входили новые люди. Он уже был переполнен, и Крони слышал, как трещали старые тросы. Стражник не имел права впускать столько людей, но ему не хотелось гонять лифт лишний раз.

– Когда-нибудь мы оборвемся, – сказал тихо седой техник.

Техник был старый, но, видно, хотел жить. Раньше Крони было все равно, жить или умереть. Наверно, потому, что он был молод.

Крони ничего не ответил, он боялся, что стражник услышит. Те, кто стояли рядом и слышали, тоже молчали. Лифт проехал без остановки следующий уровень, кто-то крикнул через решетку: – Вы куда? Мы опоздаем.

– Надо раньше вставать! – ухмыльнулся стражник.

Крони через головы соседей смотрел на разноцветные потеки на стенах шахты лифта. Поверх других тянулась узкая красная полоса. Прорвало трубу в красильной мастерской, подумал трубарь.

Увидев двух торговков с корзинами, стражник остановил лифт.

– Некуда, нам и так тесно, – проворчал кто-то сзади.

Торговки сунули стражнику по монете, но ему этого было мало. Он взял у них из корзин по белому сладкому корню. Торговки попробовали втиснуться в лифт, но корзины мешали. Стражник схватил ближних пассажиров и вышвырнул их из лифта.

– На следующем захвачу, – сказал он.

– Ты чего так рано? – спросил мастер.

Мастер сидел за столиком и чиркал куском графита по плану какого-то сектора.

– Я вымыться хотел, а меня женщины не пустили.

Мастер был не плохой, добрый, с ним можно было говорить.

– В квартальном бассейне купаться задумал? – спросил он. – Грязная твоя рожа.

– А вы как догадались?

– Чего тут догадываться. Мало у тебя луж на участке?

– Вы правы, мастер, – сказал Крони. – В лифте я видел красный подтек. Наверно, в красильной мастерской труба течет.

– Знаю, – сказал мастер. – Ты пятый, кто мне говорит об этом. Даже сам управляющий звонил.

Мастер показал измазанным графитом пальцем на крышку переговорной трубы.

– Я туда уже послал людей. Сегодня пройди немного за участок, посмотри, нельзя ли отключить восьмую или девя-

тую линии. Они все равно почти не тянут.

– Как же? А если основная отключится?

Мастер пожал плечами:

– Приказ господина Калгара.

Вошли обходчики ночной смены. Они были в грязи и злы как черти.

– Запаяли? – спросил мастер.

– Завтра снова лопнет, – сказал старший обходчик.

Они сели на корточки у стены, и старший сразу задремал.

– Я пошел, – сказал Крони.

Он взял в углу моток проволоки.

– Напарника ждать не будешь?

– Нам все равно в разные отсеки.

– Верно.

– Башмаки бы залатал, – сказал ночной обходчик.

– Они еще крепкие, – сказал Крони.

– Спину ломит, – сказал другой обходчик.

– Пожалуйся директору Калгару, – сказал мастер.

Обходчик выругался. У стены было темно, и он казался кучей тряпья.

Крони вышел из конторы и закрыл за собой дверь. За матовым стеклом, заклеенным серой лентой, покачивались темные силуэты. Обходчики поднялись и докладывали мастеру о поломках.

Все люди работают вместе. На фабриках или в конторе, в казарме или на теплостанции. Только трубари и крысоловы

проводят дни, не видя ни одного человека. Трубарей можно презирать и не пускать в общий бассейн, но без них мир давно бы погиб. Если посчитать, сколько труб залатал Крони, сколько прорывов нашел, сколько намотал изоляции и сколько прочистил пробок, то можно сказать, что Крони нужнее, чем сам господин директор Калгар.

В прошлом году ему в голову не пришло бы подумать о том, что его можно сравнивать с кем-нибудь из чистых. Мир, в котором он жил, был в незапамятные времена разумно и строго устроен богом Редом, вышедшим из красной тьмы, чтобы научить людей одеваться и освещать себе путь. Бог передал свой волшебный светильник чистым, и они, движимые благими мыслями, поделились светом со своими младшими братьями. Они кормили и одевали грязных, давали им работу и наказывали строго, но любя. Так устроен мир, таким он был вечно и пребудет до того дня, когда Огненная Бездна заберет к себе своих детей.

Крони остановился на площадке, дальше которой простые люди не ходили. Там могли бывать только техники и трубари. Ступив за ржавую решетку, Крони становился выше квартального и даже выше господина офицера. Никто из них не бывал в бесконечных улицах служебного города. Крони положил сундучок на пол, снял с плеча проволоку и присел перед статуей бога Реда, освещенной электрической лампой. Колени бога блестели от масла – его задабривали трубари, уходившие на дежурство.

Крони открыл решетку своим ключом. Длинный служебный туннель, чуть загибаясь влево, уходил вдаль. Под толчком через каждые сто шагов висели тусклые лампы. Провисая, тянулись по стенам кабели и трубы. Трубы потолще шли по полу. Крони стоял и прислушивался к их голосам. Он привык на слух определять, как идут дела. Вроде бы все в порядке.

Только вздыхает труба, по которой течет горячая вода к грибницам.

Крони задержался, чтобы сменить изоляцию на кабеле № 1. Похоже, его грызли крысы. Кабель № 1 должен всегда быть в порядке. Это линия связи между главным уровнем и станцией. И что крысам здесь нужно? Крони вытащил из ниши в стене банку и посыпал отравой вдоль стены. Отрава покрывала весь пол в туннеле белесым слоем, но крысы не обращали на нее внимания.

Крони задержался у вертикальной шахты и внимательно осмотрел те места, где кабели и трубы расходились вверх и вниз. На сгибах чаще всего бывали утечки.

Дальше Крони следовало идти вперед, до третьего поворота, где кончался его участок, и там спуститься вниз. Но Крони миновал лестницу и прошел еще шагов триста, за пределы служебного участка. Это уже было проступком. Трубам не положено в одиночку ходить в дальние коридоры.

Раньше в шахте ходил лифт, теперь он висел между уровнями, о нем давно забыли, и кто-то давным-давно пробил в

его крыше и днище дыры, чтобы можно было пробираться на нижний ярус.

В шахте было совсем темно, и Крони зажег фонарь и, чтобы освободить руки, прикрепил его на лоб. Протискиваясь сквозь ржавый скелет лифта, Крони разорвал куртку и огорчился, потому что новую ему получать только через восемьдесят дней.

Крони наклонился над дырой и сбросил сундучок вниз, ближе к стенке. Сундучок звякнул. Тогда Крони повис на руках и прыгнул следом. Он стоял на широком карнизе, образованном бетонной плитой, обвалившейся со стены шахты и так застрявшей. Крони прислушивался. Стояла тишина, невыносимая для обычного горожанина, тишина, понятная и привычная трубарю. Где-то далеко с потолка сорвалась капля воды и щелкнула о мокрый пол. Этот сектор был давно покинут, и там жили лишь привидения.

Обходчики, которые бывали на этих ярусах несколько лет назад, говорили еще, что крысы там ходят стаями и не дай бог попасться – загрызут. Но инженер Рази сказал, что, кроме трубаря, никому не найти библиотеки. Трубари привыкли ходить в одиночку по пустым коридорам, у них не было страха перед пустой темнотой. Крони был трубарем. У Крони был служебный ключ к решетке.

Крони лег на край плиты и нагнул голову, чтобы свет фонаря падал вниз. Ему показалось, что на дне колодца мелькнула светлая тень.

Крони прикрепил конец провода к краю плиты. Он подумал, не оставить ли здесь сундучок, но побоялся расстаться с ним.

Он прислушивался. Там, внизу, раздавался шорох, будто стая крыс бежала по туннелю. Можно вернуться и сказать инженеру Рази, что путь к нижним ярусам закрыт. Инженер не сможет проверить. Но трубарем двигало большее, чем желание угодить инженеру.

Крони подергал за провод и начал спускаться, повесив сундучок через плечо и наклоняя голову так, чтобы луч света был все время обращен вниз.

Подошвы башмаков гулко ударились о пол. По дну туннеля тек ручеек, и правая нога сразу промокла – подошва ее сильно отставала и шлепала при ходьбе. Крони отступил на шаг, прижался к стене и повел головой. Луч света скользнул по стенам с обрывками кабелей и растворился в глубине туннеля. Идти надо было налево, до большого зала.

Позавчера, после Чтения, они сидели с инженером и инвалидом с асбестовой фабрики. Инвалиду рассказывал о библиотеке его отец, который молодым участвовал в большой облаве на крыс и заблудился в туннелях нижних ярусов. Он блуждал там три дня и видел много странных вещей, о которых даже не смел вспоминать. И он видел ход в библиотеку за домами Предков.

– Мало шансов, – говорил тогда инженер, – что от нее что-нибудь сохранилось. Крысы – раз. Влага – два, непредвиден-

ные обстоятельства – три.

Рази говорил четко, негромко, как положено инженеру, которого слушаются не возражая.

– Внимательно осмотри помещения, которые тебе встретятся, – говорил ему инженер. – Они нам могут пригодиться.

Уточнять инженер не стал. А Крони не спрашивал, потому что его незнание было велико.

Крони шел по туннелю. Вода под ногами была холодна, от нее поднимались запахи, и трубарь угадывал по ним, откуда собирался ручеек. Пахло стиральным мылом от квартальных бассейнов, кислотой, отработанным маслом, помоями. Крони представил себе, как ручеек собирается по каплям, сочащимся из трещин в трубах, и, спускаясь с яруса на ярус, находит путь к Бездне.

Сзади послышался шорох, словно капля воды скатилась по стене. Для другого – ничего не значащий звук в туннеле, наполненном шорохами и стуком капель. Но слух Крони сразу выделил его из сотни других шепотов города, и он прыжком развернулся, стараясь в то же время прижаться к стене.

За ним шла большая крыса. Она не спешила и, когда луч фонаря достиг ее, присела и стала ждать, пока Крони пойдет дальше. В движениях крысы была неприятная осмысленность.

Он пошел быстрее, он должен дойти до домов Предков. Крони не знал, что такое дома Предков, а инженер Рази ска-

зал лишь, что центр города когда-то, наверное, был именно там. Сравнительно близко от теплостанции и на надежной глубине. Рази подозревал, что город строился наоборот, не так, как сейчас. Грязные жили выше. Это было странно и даже нелепо, но Крони уже понимал, что странности города создавались людьми и если ты решил поверить кому-то, то все, что знал раньше, можешь подвергнуть сомнению.

Маленький оборванный человек спешил по черному туннелю, луч фонаря делал его видимым в темноте, но отказаться от света было еще страшнее. Крысы, мокрицы, жуки, черви и привидения умели видеть без глаз. Крони, хоть и был куда лучше приспособлен к такому путешествию, чем другие, в полной темноте становился бессильным и беззащитным.

Крыса семенила сзади. Присаживалась и ждала, если Крони оборачивался. Крони кинул в нее камнем. Камень не долетел, и крыса только наклонила голову, словно догадалась, что камень не долетит. Так они и шли. Может, час, может, немного меньше.

И тут впереди забрезжил свет. Зеленый, тусклый, словно отражение в глубокой воде. Крони пошел медленней. Света в этих местах не должно быть. Теперь он жалел, что взял с собой сундучок. Пользы от него никакой, а бежать мешает. Крони положил ладонь на рукоять ножа, чтобы успокоиться, хотя понимал, что нож не спасет его от крыс. Впереди не только дома Предков. Там могли остаться души Предков, а

тот, кто встретился с умершей душой, никогда не вернется назад. И Крони понял, как удивительно уютен его дом, и он уже не чувствовал раздражения против госпожи Ратни, которая защищала Порядок и не желала ему зла. Крони понял, что дальше идти нельзя. Никакой библиотеки нет. Инженер заманил его сюда, инженер обманул его, инженер просто сумасшедший. В мире нет ничего, кроме Города и Бездны...

Крони обернулся, размышляя, как вернуться назад, чтобы крыса в него не вцепилась.

Но крыса была не одна. Их было уже три, и они вели себя как загонщики. Только в отличие от загонщиков они не суетились, не кричали и не били в жестянки. Они ждали. И когда Крони сделал несколько быстрых шагов им навстречу, не дрогнули, а присели на задние лапы, голые хвосты их были напряжены и приподняты, как перед прыжком.

И Крони не осмелился идти дальше. Вместо этого он повернулся и, наклонив голову, чтобы светить фонарем под ноги и не поскользнуться на мокрице, побежал к зеленому свету. Это было неразумно, но Крони не в силах был преодолеть страх и отвращение перед крысами.

Туннель оборвался неожиданно. Крони казалось, что еще долго бежать к зеленому свету, но свет обманул его. Свет был тусклым. Зеленым изнутри отсвечивала и мерцала стена. Стена была изъедена миллионами ходов, и зеленые светящиеся гусеницы, переползая по ходам, вылезая на поверхность стены, складывались в общее мерцание, настолько яр-

кое, что в его свете были видны дома на улице и высокий потолок ее, со свисающими оттуда давно потухшими разбитыми светильниками. Потолок был покрашен когда-то голубой краской, лоскуты которой, падая вниз, устилали землю, словно маленькие озера.

Здесь можно было обойтись и без фонаря. К Крони вернулось спокойствие. Крысы куда-то исчезли, видно, остались в туннеле.

Значит, инженер Рази был прав. Крони добрался до домов Предков. Дома, углубленные в скалу, выступали наружу облупленными фасадами. В некоторых окнах сохранились куски стекла. Стекло ценилось в городе дорого, и Крони решил, что на обратном пути возьмет несколько осколков: из них делали зеркала.

Крони подошел к двери ближайшего из домов и заглянул внутрь. Когда-то пол дома был покрыт толстым слоем пластика, но, уходя, хозяева сорвали его, и осталась ржавая металлическая решетка. Передняя комната была велика. Крони никогда не приходилось бывать в такой большой комнате. По стене, стараясь скрыться от луча света, ползла мокрица. Крони знал: если люди жили где-то, то, как бы тщательно они ни собирали свои вещи, уезжая, как бы ни жгли и ни разоряли их жилище враги, в нем всегда найдутся следы человеческого жилья. И если Крони сталкивался в своих обходах с местами, где жили люди, он осматривал их внимательно, потому что забытое или ненужное много лет назад мог-

ло сегодня дорого стоить. Когда-то было больше металлов и стекла, когда-то умели делать хороший, крепкий пластик. И не ценили этих вещей.

Осторожно ступая по решетке, чтобы не провалиться в подпол, и светя время от времени вниз, Крони пересек комнату и вошел в следующую, вырубленную в скале. В углу под решеткой что-то блеснуло. Крони нагнулся. Посыпанный ржавой трухой, скалился череп. Когда-то здесь случился взрыв, проломивший решетку, и человек упал внутрь. Крони откатил череп в сторону и поднял стальную каску. Она почти не проржавела. Посередине ее был гребень с насечками и впереди длинный прямой козырек. Крони напялил каску. Она была чуть велика, и из остатков подкладки торчали острые винты. Крони вытащил из чемоданчика молоток, загнул им винты, потом подложил в каску тряпок. Так надежней.

Он посветил вниз, но ничего больше, кроме горстки костей и обрывков изгрызенного тряпья, не увидел. На всякий случай он присел, спустил ногу и разгреб носком кости и тряпье. И не зря. Там лежал большой широкий нож. Такой нож должен стоить бешеных денег. Крони никогда не расстанется с таким ножом. Его надо спрятать в надежном месте, чтобы не увидели агенты.

Крони почувствовал, что в спину ему кто-то смотрит. Он обернулся. В дверях стояло привидение. Высокое, голубое, светящееся безликое привидение. Крони охнул, потерял равновесие и упал, ударившись локтем о череп. Крони знал,

что умрет, потому что его отыскал бывший хозяин пустого дома, злой дух, видеть который нельзя.

Но ничего не произошло. Темно. Тихо, фонарь погас. Хорошо, если выключился, а не разбился. Без фонаря не выберешься отсюда.

Нога болела. Прихрамывая, Крони пересек по решетке переднюю комнату и выглянул из дверного проема. Улица была все так же освещена мерцанием, привидения нигде не было, но зато Крони увидел, что поперек улицы, отрезая ему возвращение к туннелю, в ряд сидели крысы. Крони погрозил им ножом. Крысы не пошевелились. Они ждали. Крони щелкнул выключателем фонаря, фонарь загорелся.

С потолка сорвалась капля и гулко разбилась о каску. Крони ступил на голубой лоскут краски, упавший с потолка улицы, поскользнулся, удержался на ногах и пошел дальше вдоль ряда пустых домов, глядевших на него черными дырами дверных проемов. Его догнал топот ножек. Крони успел полоснуть лучом света и увидел, что одна из крыс метнулась к нему, словно ее послали вперед спугнуть его, заставить побежать туда, куда его гнала стая. Крони взмахнул ножом, и крыса отскочила.

Крысы вновь уселись в ряд.

Но как только он двинулся вперед, сразу три кинулись вслед, и, зная уже о смертоносной силе ножа, они не приближались к Крони, а скалили зубы, прыгали совсем рядом, увертывались от взмахов лезвия и через минуту или две до-

бились своего – Крони бросился бежать. Он велел себе, приказывал не бежать, потому что именно этого хотели от него крысы. Но ноги бежали сами, и ему пришлось слушаться их, чтобы не упасть. Сундучок бил по боку, каска стала тяжелой и съехала набок, башмаки скользили по голубым лоскутам... Одна из крыс вцепилась в ногу и сразу отпрыгнула. Она лишь подгоняла его.

И тут Крони понял, куда его гнала стая. Впереди, поперек узкого прохода, куда он забежал, цепью сидели белые крысы. Такие же, как его преследователи. Загонщики добились своего...

Трубарь огляделся. Сзади был вход в дом. Крони поднялся на две каменные ступеньки и остановился в проеме. Если на него не нападут сзади, он сможет отбиваться.

И тут крысы бросились на него всей стаей. Они, видно, были озлоблены оттого, что он не попался в ловушку. Они прыгали на него, как пауки-охотники, и он рубил не глядя, не обращая внимания на то, как они кусают его, рвут одежду, выхватывают клочья из куртки. Но каждый толчок, каждый новый натиск стаи заставлял Крони отступать на шаг, чтобы крысы не успели забежать сзади.

Крони позволил себе кинуть взгляд назад. Коридор был достаточно узок, по нему можно было отступать, не опасаясь, что крысы тебя окружают. И он стал пятиться.

Спина его уперлась во что-то твердое. Свободной рукой Крони ощупал стенку, еще не понимая, что она – конец всем

его надеждам. Стена была сложена из неровных камней и уходила вверх. Тогда Крони снова бросился на крыс.

Они были готовы к его атаке. Давя друг дружку, шипя и скалясь, крысы быстро откатились вглубь коридора, но, когда Крони вернулся к завалу, тут же бросились вперед.

Им овладело тупое отчаяние, когда хочется только одного – сесть, закрыть глаза, а там будь что будет. И стая ощутила, что противник сдал...

Но тут Крони сообразил, что не сможет сесть, крысы все равно не дадут передохнуть. И стремление добиться у крыс права присесть, отдохнуть, для чего надо было расшвырять стаю, испугать ее, придало Крони отчаянную силу. Он рубил, топтал, расшвыривал крыс ногами – он не мог испугать их – крысы в стае лишены страха, но выросший между ним и стаей барьер из мертвых тел на какую-то минуту замедлил наступление. Тогда Крони обернулся к стене и стал искать в ней щель. Он бил по камням, толкал их и вдруг почувствовал, что одна из глыб поддается, кренится, проваливается внутрь. А когда, скользя по глыбам подошвами, цепляясь одеждой, отбиваясь от вновь ринувшихся на него крыс, он подтянулся, то провалился в следующее помещение. Он почти не почувствовал удара о каменный пол. Хотелось лежать и не двигаться... Как будто в полусне, Крони встал, нашарил руками глыбу, вывалившуюся из завала, поднял ее и затолкал в черное отверстие.

А потом он опустился на пол, вытянул ноги и забылся.

Невыключенный фонарь светил вверх, высвечивал над головой желтый круг. И, может, из-за того, что глаза ощущали этот свет сквозь сомкнутые веки, Крони чудилось, что он идет по другому, светлому, теплomu городу, над которым всегда горит яркий огонь.

Крони открыл глаза. Он увидел золотой круг над головой и сначала не мог понять, почему над ним столько золота. Он попытался повернуть голову, и круг метнулся в сторону, скользнул, вытянувшись по стене, и Крони сразу все вспомнил.

Он прислушался. Сначала был шорох, попискивание – шорох был понятен и утешителен. Крысы не могли отказаться от добычи и скреблись в каменную преграду. Потом он услышал вздох. Совсем рядом. Крони замер. Какое еще чудовище подстерегает его в темноте? И почему оно не бросилось до сих пор? Крони провел руками по холодному полу. Пальцы натолкнулись на гладкую поверхность лезвия. Крони нащупал рукоять. Так было надежнее. Потом подтянул локти и приподнял голову. Луч света уперся в дальнюю стену. Крони сел. Тогда он увидел кучу тряпья в углу каменного мешка. Куча шевельнулась, замерла, и снова раздался длинный, прерывистый вздох. Крони встал на четвереньки и, держа нож перед собой, приблизился к куче тряпья.

Из тряпок выглядывала часть лица – серые волосы, острый, будто выпиленный из мела нос. Дрогнуло голубое веко,

и открылся блестящий, горячий, безумный глаз. Худая, дрожащая рука приподнялась в оборонительном жесте, длинные ногти целились в лицо Крони, но рука была бессильна и упала, будто растаяла в ветхой рвани.

Открылся рот, беззубый и черный. Человек хотел сказать что-то, но получился лишь хрип. И Крони не сразу разобрал слова:

– Уйди... солдат...

– Я не солдат, – сказал Крони. – Я трубарь.

– Трубарь... – прохрипел человек. – Пить...

Крони понял, что и сам хочет пить. Смертельно хочется пить.

– Где здесь вода? – спросил он.

– Дальше, там...

Человек смог показать глазами вглубь комнаты. Крони поднялся с колен и, держась за стену, пошел, пока не услышал журчание тонкой струйки воды, текущей в трещине. Крони подставил каску и долго ждал, пока на дне наберется немного воды, и тут же выпил ее. Потом снова подставил каску под струйку и стал думать. Здесь живет человек. Это странно, потому что человек не может жить в этих местах.

Человек ждал Крони. Свет фонаря отразился в его зрачках.

– Вот, принес, – сказал Крони, чтобы разогнать тишину.

Он наклонился и приподнял легкую, горячую голову человека. Тот пил долго. Вода стекала из углов губ, и Крони поду-

мал, что лишь малая часть воды попадает человеку в горло. Но много он выпить и не мог. Человек закрыл глаза, устал, голова его вяло откинулась, и Крони испугался, что он умер.

– Погоди, – сказал он, будто хотел остановить его, удержав, чтобы не уходил во мрак, из которого никто не возвращается.

– Я здесь, – сказал человек неожиданно ясным и твердым голосом. – Я давно не пил. Я не знаю, когда я пил.

Из-под сомкнутых век выкатились маленькие слезы, и мокрые дорожки протянулись до впадин щек.

– Ты, наверно, голоден, – сказал Крони. – У меня есть еда.

– Спасибо, – сказал человек, не открывая глаз. – Мне уже не нужно. Я устал. Я умер.

– Ты живой, – сказал Крони и тут же понял свою неправду. Конечно, человек уже переступил грань, за которой нет жизни.

– Я счастлив, – повторил человек. – Я напился. И напился из рук человека. Ты не поймешь, как страшно умереть одному и знать, что они обязательно доберутся до тебя...

– Ты слышал, как я пришел сюда? – спросил Крони.

– Да. Только я не знал, что это человек. Я думал, что они прорвались. Я ждал, что они нападут.

– Я давно пришел? – спросил Крони, боясь, что в ответ услышит «три дня».

– Недавно, – сказал человек. – Ты лежал минут десять.

– Мне снился сон, – сказал Крони. – Мне снилось, что я

нашел другой город.

– Другого города нет. Я тоже мечтал о городе, в котором не надо дрожать и ждать смерти.

– Ты думаешь, что наш город один на свете?

– Да, – сказал человек убежденно. – Наш город один. Я прошел до самой Бездны. Я видел, как пляшут привидения, и видел Белого Паука. Я знаю червей, которые прожигают стены, и знаю путь к Огненному Озеру. Но города нет.

– Ты знаешь путь к библиотеке? – спросил Крони. Он хотел спросить путь обратно, к людям, по которому можно пройти, не встретив крыс. Но спросил про библиотеку.

– Дай мне еще воды, – сказал человек. – У меня все внутри горит.

Крони поднес к его губам каску. Человек пил долго, и Крони тоже захотелось пить.

– Библиотека – это место, где лежат старые книги, – сказал Крони. – В книгах сказано о Городе Наверху.

– Кому нужны книги? – сказал человек и замолчал. Тишина была долгой, и Крони снова услышал, как за стенкой царапаются крысы. Потом человек спросил: – Ты ищешь путь к библиотеке?

– Да.

– Зачем тебе книги? Ты трубарь. Ты не учился.

Крони не учился. Год он провел в подмастерьях. Он немного умел читать, разбирался в схемах подземных переходов и знал ровно столько, сколько нужно, чтобы стать хо-

рошим трубарем. Потом, за годы работы, он выучился слышать трубы и узнал о том, как электричество идет по кабелям от станции к городу.

— А я учился, — сказал человек и снова замолчал, ему с каждой минутой труднее было говорить. — Книги... их читают крысы.

Человек засмеялся, забулькал, дыхание прервалось, и тут же, словно боясь не успеть, он заговорил быстро и настойчиво:

— Я был инженером. Я нарушил Порядок. Я любил дочь господина Спела. Мокрица выследил нас. Меня должны были отдать Бездне... Я жил здесь, я все видел, я знаю, где кипящее озеро...

Он вдруг приподнял голову и спросил громко и строго:

— Как она живет? Как здоровье уважаемой юной госпожи Геры Спел? Она счастлива?

Крони не успел подхватить человека, и голова его гулко, словно пустая, ударилась о тонкий слой тряпья. Крони понял, что человек сейчас умрет.

— Как пройти к библиотеке? — наклонился он к нему. Дышит? Дышит ли еще? — Как пройти к библиотеке?

Губы человека шевельнулись:

— Иди к привидениям... иди дальше, за дверь...

И все.

Крысы скреблись в завал. Человек жил здесь без света, крался по коридорам, прятался, боялся, хотел жить. Смерть

шла к нему, и он не знал, куда деться от смерти.

Крони разгреб тряпье и нащупал на груди человека железку – опознавательный знак, с его номером и именем. Когда человек умирает, с него снимают знак. Так принято. Трубарь сунул знак в карман. Потом посветил по углам комнаты – черепки, кучка камней, сложенных кругом и черных изнутри, наверно, очаг, железный штырь – оружие. Крони увидел свой сундучок. Он совсем забыл о нем, а увидев, обрадовался, как старому знакомому. Крони проверил, надежно ли держится глыба, – не хотел, чтобы крысы добрались до того человека. И ушел не оглядываясь.

За ручейком, где Крони набирал воду, он натолкнулся на дверь. Он сначала даже не понял, что дверь стальная. Надо было случиться чуду, чтобы кто-то забыл, уходя отсюда, дверь из настоящей стали.

За дверью было пусто. В лицо чуть тянуло холодным воздухом, и Крони понял, что впереди большое открытое пространство.

...Это был странный зал. Такого Крони никогда не видел. Он был высок, и три стены его были гладкими, словно отполированными. А четвертую занимал блестящий, не потускневший от времени щит. В щите было много отверстий, там когда-то находились приборы, механизмы, и все это было вынуто, выдернуто, выхвачено, вырезано, отовсюду торчали концы проводов, гнутые стержни – когда уходили отсюда, то не заботились о чистоте и порядке – хватали, сваливали на

тележки и увозили. И Крони знал, что увозили на тележках, потому что одна, у которой отломилось колесо, стояла неподалеку от щита, и на ней были навалены круглые приборы со стрелками и цифрами, блестящие ящички и коробки, стеклянные трубки, мотки разноцветных проводов и лампы.

Такое богатство потрясло Крони. Каждая металлическая коробочка, если выбросить из нее начинку, стоит больше, чем Крони зарабатывает за месяц. Другим вещам Крони просто не представлял цены... Из-под груды приборов выглядывал угол материи. Крони потянул на себя. Материя была тонкой, как паутина, мягкой и удивительно крепкой. Жаль, что кусок невелик. Крони раскрыл сундучок и положил сложенную ткань внутрь. Потом не удержался и подобрал несколько коробочек с торчащими из них проводами. Оставил сундучок, заглянул в тележку. И тут его постигло разочарование человека, который только что сытно, но просто, без претензий пообедал и ему несут на стол громадное блюдо с лакомствами. Ткани в тележке оказался целый рулон. Там был и ящик с инструментами, тонкими, как у зубного врача, там были мотки проволоки в мягкой изоляции... Крони вытряхнул из сундучка свое добро, отмотал локтей десять ткани и отрезал ножом. Высыпал инструменты. Он кидал в сундучок вещи, стараясь, чтобы они были невелики, новы и блестящи. Сундучок не закрывался. Крони выбрасывал вещи оттуда и рассовывал по карманам. Ему трудно было оторваться, трудно уйти. Он забыл о библиотеке, забыл

о том, как будет возвращаться наверх. Он «обжирался» блестящими вещами.

...Крони перевел дух. Ему повезло. Он богат на всю жизнь. Он мог забыть о другом городе и библиотеке, потому что богатому человеку не нужно мечтать о том, чего нет...

Привидение стояло рядом и смотрело на то, как богатый трубарь рассовывает добычу по карманам. Привидение не угрожало ему, но сделало то, чего от привидения никак нельзя было ожидать. Оно наклонилось и подобрало с пола оброшенный Крони кусок каши. Самой обыкновенной каши, которую варят из плесени и лишайников и добавляют для вкуса мелких орешков, растущих на стенках. Привидение крутило кусок каши, обнюхивало его. У привидения были руки, не похожие на руки людей, голова без глаз и рта. Рот раскрылся на груди, и Крони был потрясен. Привидение ело его кашу. Привидение могло есть, и это означало, что светящийся столб, означающий верную смерть для того, кто увидит его, не был духом. Духи не могут есть.

Трубарь вспомнил о последних словах умирающего человека, которые счел бредом. Тот сказал: «Иди к привидениям».

И Крони спросил тогда:

– Где библиотека?

Привидение стало отступать и положило на камень остаток каши, будто опомнилось и испугалось. Крони подумал, что оно должно понимать язык людей.

– Ешь, мне не жалко, – повторил Крони. Он не стал подниматься. Он сидел на корточках, и руки оглаживали карманы, набитые барахлом.

И тогда привидение сделало шаг обратно, подобрало остаток каши, и комок исчез в открывшейся в груди дыре. Крони мог поклясться, что только что рот привидения был совсем в другом месте. Пяди на две ниже. Но способность человека удивляться тоже имеет предел. Привидение, которое слушается человека, уже не потрясало.

– Я тебе еще дам, – сказал Крони, не доверяя привидению и желая задобрить его. Может, это все-таки ловушка? Может, оно приставлено к этим вещам, чтобы охранять их?

– Дорогу к библиотеке показать можешь?

Привидение поняло. Поплыло перед Крони, который подобрал сундучок, нож и пошел следом. В луче фонаря привидение казалось совсем бледным, будто сделанным из пара. Ног у него не было. Ничего у него не было, что положено иметь нормальному человеку. Но кашу оно ело. Крони нащупал в кармане еще кусок. Подумал: отдам. Они, наверное, кашу редко видят.

Они снова углубились в коридор, по потолку которого тянулась проволока, а под ногами секции труб. Сундучок оттягивал руку. Крони нахмурился. Только что думал об одном – вернуться скорей домой, стать богатым. И вот уже снова идет к библиотеке, хотя с каждым шагом, с каждой минутой возвращение становится более опасным. Сдалась ему эта биб-

лиотека! Не нужна она никому. Крони ругал себя, уговаривал, а сам послушно шел за столбом голубого дыма, опускаясь все глубже, внутрь городских подземелий, все ближе к Огненной Бездне. «Нет, из таких, как ты, Крони, – услышал он голос старшего мастера, – из таких, как ты, инженеров не получается. Нет в твоём мозгу к этому устойчивости».

Они стояли в тупике. Под ногами пол из квадратных плит. – Куда ты привел меня? – испугался Крони.

Привидение съежилось в шар, опустилось над одним из квадратов.

Крони подошел поближе. Привидение отодвинулось. Плита отозвалась под ногой гулко. Там было пусто.

– Понял, – сказал Крони. Чуть было не добавил «подержи сундучок». Попытался сунуть пальцы в щель между плитами, но щель была узкой. – Палку бы, – сказал Крони привидению.

Оно не двинулось с места.

Крони вспомнил, что какие-то стержни валялись в последнем коридоре, которым они сюда шли.

– Я сейчас, – сказал он.

Он сунул стержень в щель, и плита поддалась почти сразу. Крони изловчился, подхватил ее за край и откинул.

– Здесь глубоко? – спросил Крони.

Он и не ждал ответа, лег на край. Луч достиг дна. Изнутри веяло сухим теплом, о котором так мечтаешь, вернувшись с работы. Пол был недалеко. Обычный этаж, локтей десять.

Привидение скользнуло рядом, провалилось вниз и отошло от дыры. Лишь по голубому отблеску Крони мог угадать, что оно его поджидает.

Крони спрыгнул вниз. Пол больно ударил по пяткам. Луч метнулся по стенам коридора. Какого за сегодняшний день? Пол был теплым.

Привидение уже двинулось по коридору, и тут же Крони сделал еще одно удивительное открытие. Более удивительное, чем встреча с привидением или спасение от стаи крыс.

Стены коридора несли следы огня, будто кто-то пробежал по ним с горящим дымным факелом в руке. Но в остальном здесь все оставалось таким, как если бы люди ушли отсюда только вчера. Здесь было сухо и все сохранилось. И пластик на стенах, и пластиковый ковер под ногами, и двери, настоящие двери разных цветов, большие и маленькие, и лампы под потолком, закрытые стеклянными колпаками. Сундучок, который только что был сокровищем, сразу потерял ценность. Надо было бежать отсюда, надо было договориться с нужными людьми – устроить сюда поход, приучить привидений, чтобы отгоняли крыс. Они любят кашу? Ради Реда, они получают столько каши, что обожрут ее. И Крони будет жить не в камерке нижнего города, у него будет дом на верхнем уровне. Сам господин директор Калгар будет кланяться ему и позовет в свой личный лифт. Крони будет объедаться сладкими грибами и женится на какой-нибудь прекрасной юной благородной девушке, и никто не посмеет его выгнать или

казнить. Госпожа Ратни будет выходить утром из своего домика и кланяться господину Крони и сама будет приглашать его купаться в квартальном бассейне... Тут Крони подивился тому, как глупо бредет его мысль. Ведь если у него будет дом наверху, на уровне чистых, зачем ему купаться в квартальном бассейне и встречаться по утрам с госпожой Ратни? Он забудет о ее ничтожном существовании. Ведь, говорят, сам Калгар когда-то был беден. И отец его работал на фабрике. Калгар стоял во главе шайки, которая воровала медь с рудника... хотя, наверно, это ложь. Это из зависти говорили трубари. Господин Калгар родился на уровне чистых. Поглядели бы вы на его руки. А может, скоро будут также говорить и о Крони: «Поглядите на его руки, разве он когда-нибудь мог быть трубарем?»

Крони шел, мечтал, но в глубине души знал, что никогда не станет чистым. План его был невыполним – ему никогда не обмануть жуликов. Им все и достанется. К тому же он не был уверен, что хочет быть господином Калгаром и жить в доме господина Калгара. Великая тайна, овладевшая Крони, сказочная до начала путешествия, сейчас уже была куда реальнее и важнее, чем все старые, поломанные сокровища, лежавшие в этих коридорах. Сокровищ было слишком много. Крони мог легко осознать свое богатство, пока оно умещалось в сундучке. Но такое богатство...

И Крони не стал заглядывать в комнаты и в боковые коридоры. Он спешил за голубым столбом. Тот двигался уверенно.

но мимо открытых и притворенных дверей, мимо брошенных касок и портьер, сотканых из блестящих тканей, мимо открытых ящиков, в которых хранились какие-то приборы, мимо брошенных кучей винтовок и длинных ящиков с патронами к ним, мимо опрокинутых металлических стульев и зеленых бутылей...

Привидение остановилось у закрытой двери. Оно ждало, когда Крони догонит его.

– Здесь? – спросил Крони.

Привидение стояло неподвижно.

Крони толкнул дверь и оказался в библиотеке.

Здесь было так жарко, что сразу высохли губы. Луч фонаря блуждал между высокими рамами, на которых покоились металлические полки. Книги стояли, лежали на полках, горами громоздились на полу. Крони знал, какими должны быть книги, потому что видел книгу Порядка и клялся на книге Закона, когда его принимали на работу.

Крони взял с полки одну из книг и увидел, что она обгорела. Поэтому был черным переплет и обрез страниц. Крони держал книгу, и он был горд собой, потому что он прошел там, где не проходил еще никто, и нашел библиотеку. Теперь он держит в руках книгу.

Крони раскрыл ее, и страницы рассыпались в пыль. Черное облако трухи медленно осыпалось на пол. Другая книга рассыпалась даже раньше, чем он успел поднять ее с полки. Она стала кучкой серого пепла, в котором чернели обгоре-

лые клочки бумаги.

Когда-то в библиотеке был страшный жар. Огонь почему-то не вспыхнул, но все здесь обуглилось, распалось, разрушилась связь в вещах, и бумага потеряла прочность.

Крони шел между полок, не обращая внимания на жару и духоту, и привидение отступало перед ним. Он дотрагивался до книг, иногда пытался поднять книгу с полки. Но если книга не распадалась в руке, она гнила, стоило ее открыть.

Надо же идти так долго и найти пепелище! В отчаянии Крони смахнул с полки целый ряд книг, рука завязла в трухе, и привидение вытянулось к нему голубым червем и обожгло электричеством. Не больно, но обожгло. Привидение не хотело, чтобы человек убивал книги.

Крони не обиделся на привидение.

– Прости, – сказал он. – Книги умерли.

Привидение успокоилось.

Трубарь достал из груды трухи три странички, обгорелые по краям, положил их в карман. Пусть будет хоть какое-то доказательство, что в библиотеке он был.

Другой на месте Крони не стал бы расстраиваться. Разве можно сравнить какие-то книги с настоящей добычей.

Но Крони бесцельно брел по жаркому коридору, удаляясь от библиотеки, и не видел разбросанных вокруг богатств.

Привидение обогнало Крони, чуть коснувшись его, и по всему телу пробежал холодный озноб. К привидению Крони привык. И даже к странностям его.

Крони нащупал в кармане кусок каши. Маленький кусок, последний. Но есть Крони не хотелось. Он выпил бы воды.

Крони протянул кусок привидению.

— Хоть бы ты говорить мог, — сказал Крони. — Может, другая библиотека была?

Но сам уже знал, что вряд ли была вторая.

— Устал я, — сказал Крони. — Ты не подскажешь, как выбраться отсюда?

Когда все кончилось, возбуждение не сразу оставило Крони. Он возвращался к действительности толчками, будто прорывал одну за другой бумажные перегородки.

Сундучок с каждым шагом становился все тяжелее.

Привидение вновь поплыло вперед, но через несколько минут замерло у стены и начало вливаться в нее, расплющившись, расплзшись по ней, и постепенно исчезло в стене, как вода, пролившаяся в трещину.

Когда Крони дошел до того места, он и в самом деле увидел трещину. В глубине ее голубел след привидения.

— Эй! — крикнул Крони, прижимая каску к трещине. — Ты куда? Я же здесь не пройду.

Но голубой отсвет уже растворился в темноте. Луч фонаря, ослабевший без подзарядки, желтый и неверный, терялся в захламленном коридоре, и от его желтого света тишина еще напряженнее и беспросветней мрак. Человек устал, он отдал бы все сокровища своего сундучка за то, чтобы увидеть, как тусклой цепочкой горят лампы в служебном коридоре.

доре. И он уже не верит, что когда-нибудь увидит их, потому что за день он спускался так долго и так далеко ушел от известных ему мест, что отыскать путь обратно не сможет. А если следовать по собственным же следам, то препятствий не одолеть. Ему не взобраться наверх там, где квадратная плита, ему страшно вернуться в камеру, где лежит мертвец, и разобрать завал. Что же остается человеку в таком случае? Он должен идти вперед.

У Крони разболелась спина, сводило мышцы ног. Он решил отдохнуть. Прошло столько времени, что, часом раньше, часом позже, возвращаться все равно поздно. В коридоре он останавливаться не хотел – тут в любую минуту могла пробежать случайная крыса. Надо отыскать комнату. С дверью.

Такая комната нашлась шагов через сто. Крони проверил, надежно ли закрывается дверь, потом посмотрел, не прячется ли кто-нибудь внутри. В комнате стоял стол, несколько стульев.

Крони прикрыл дверь и сел на стул. Стул скрипнул, но выдержал. Стул был удобный, такой бы принести домой. Стала мучить жара и жажда. И чем дольше сидел Крони в безделье, тем больше хотелось пить.

Он решил было вздремнуть, но ничего из этого не вышло – во рту было сухо и язык в нем не помещался. Он старался думать о другом, а перед глазами стоял ручеек и слышно было, как струйка льется в каску.

Кто был здесь последним? — думал Крони. Кто сидел за этим столом и, уходя, бросил под стол пистолет? Крони, не вставая, протянул руку и подобрал его. Пистолет был небольшой, ладно скроенный, рукоять вливалась в ладонь. Крони никогда не держал в руке пистолет, но, конечно, знал, как он действует. Каждый мальчишка знал об этом. Пистолет есть у квартального стражника. Раз Крони видел, как квартальный застрелил жулика. Человек прибежал с другого этажа, и за ним гнались агенты. А квартальный застрелил его.

Крони вытянул руку с пистолетом, прицелился в угол комнаты и нажал на спуск. Он не ожидал, что пистолет выстрелит: ведь он валялся здесь много лет. Пистолет дернулся в руке, комнату осветило яркой вспышкой, что-то рухнуло, и в ноздри ворвался едкий запах огня и пыли. Первым движением было отделаться от пистолета, выбросить его, но рука не хотела расставаться с оружием, пальцы крепко держали рукоять.

Крони поднялся и подошел к стене, куда был направлен выстрел. Пуля пробила пластиковую обшивку, разорвала сетку, которой пластик крепился к камню, и в самом камне образовалось углубление с расплавленными краями. Удивительна была сила, заключенная в маленькой и удобной машинке, спавшая столько лет, чтобы проснуться по первому приказу.

Крони посмотрел вокруг, не осталось ли где еще патронов для пистолета. Он обошел стол, отодвинул стулья. Две

обоймы с патронами отыскиались в среднем ящике. В нижнем были бумаги, книжка планов – Крони подумал, что если это старые планы города, то они очень нужны, и взял книжку. Странная вещь – везение. В библиотеке тысячи книг, и все они погибли. Здесь всего одна, но целая.

Уходя, Крони еще раз пробежал лучом фонаря по стенам и увидел картину. Она была небольшой, цветной. Крони приблизился, уперев в нее луч фонаря.

На картине был изображен Город.

Тот Город, о котором говорил инженер Рази, в который трубарь Крони поверил настолько, что пошел разыскивать библиотеку.

Вчера Крони был просто трубарем. Он, правда, бывал на Чтениях и слышал о Запретном. Но сегодня Крони знал, как выглядит Город. И он покажет его другим. Крони снял картину со стены. Он быстро шел по коридору, будто знал, куда идти.

Лифтовая шахта попалась скоро. Но она была пуста и уходила черным колодцем вниз и вверх. Трубарь оглянулся. Недалеко от лифтового колодца всегда бывает аварийная лестница.

Нашлась и лестница. Она была вырублена в скале. Через несколько ступенек обнаружилось, что она завалена на уровне того же этажа, где была потайная плита. Но Крони решил, что завал не должен быть непреодолимым. Скоро он отыскал прут, которым расшатал обломки бетонных плит. Он еще

успел отскочить в сторону. Бетонная крошка и куски плит обрушились на лестницу, и Крони, когда осела пыль, пошел выше. Все у него получалось, и спина больше не болела, и ноги не ломило.

Крони поднялся еще на два этажа и заметил в отдалении тусклый свет.

Идти к свету пришлось долго. В туннеле когда-то ходили поезда. Теперь он был набит пустыми вагонетками, сошедшими с рельсов. Пришлось протискиваться между ними и стеной, а потом ползти в узкой щели под самым потолком. А когда Крони преодолел и это препятствие, оказалось, что свет пробивается сквозь круглое отверстие в конце туннеля, которое горело, словно открытая дверца печи.

Было так жарко, что Крони провел пальцами по щеке – не потрескалась ли кожа. И все-таки Крони дошел до красного круга, из которого доносился неровный пыхтящий шум.

Отверстие на уровне головы было затянуто обгорелой, черной решеткой. Прикрывая рукавом лицо, Крони заглянул в отверстие и успел разглядеть огромную полость, на дне которой пузырилось, волновалось, высывало горячие языки, пыхтело, рычало и вздыхало огненное варево. Отсветы огня полыхали на стенах, которые уходили вверх и смыкались где-то в невидимой высоте. Туда поднимались клубы серого дыма и вытягивались, как в печную трубу. Кое-где в стенах полости виднелись отверстия – входы в туннели и коридоры. Когда-то здесь тоже был город, но часть его обруши-

лась внутрь, или, наоборот, языки Огненной Бездны проби-ли, просверлили толщу города и расплавили ее. И масштабы катастрофы преисполнили Крони благоговением перед мо-щью Бездны, от гнева которой не укрыться и не вымолить прощения.

Больше стоять у Бездны было нельзя. Крони боялся, что загорится одежда и вытекут глаза.

Он поспешил обратно, прополз через вагонетки и нашел лестницу. Через несколько пролетов лестница кончилась. На этот раз завал был основателен, не приходилось и мечтать о том, чтобы разобрать его. Крони опустился на этаж ниже и попал в бесконечный лабиринт пустых ходов, залов, покину-тых комнат. Как-то невдалеке мелькнула тень крысы, и Кро-ни выстрелил в ту сторону, мстя за тот страх, который заста-вила его испытать крысиная стая. Он не стал смотреть, по-пал ли, и поспешил дальше, движимый лишь одной целью – выбраться наверх. Через час ему повезло – он натолкнулся на лужу стоячей, вонючей воды и напился. Вскоре попался кабель, бегущий вверх по узкой шахте. Кабель был под то-ком – значит, наверху окраины города, внизу – этажи тепло-станции...

Глава 2

ЗНАК ИНЖЕНЕРА ЛЕМЕНЯ

Выйдя из лифта, Крони с минуту стоял в нерешительности. То ли идти домой, спрятать вещи, то ли отметить у мастера – ведь пропал без вести трубарь, могут искать. А потом понял – все равно придется говорить, что заблудился или напали крысы. Потащат в участок, будут допрашивать, еще избыют. Так лучше, чтобы ничего с собой не было. И домой опасно заходить. Надо прямо идти на Чтение. Там он отдаст все инженеру, расскажет и вместе решат. Всегда важно знать, куда пойти, кому довериться. Раньше, пока он не бывал на Чтении, трубарь жил совсем один. Как многие.

Крони шел по еле освещенным улицам к дому, в котором проходило Чтение. Он очень устал, и запахи улицы, тяжелые, надоевшие запахи человеческого жилья и помоев, хлорированной воды, подгоревшей каши и грибов, звуки женской перебранки, вой детишек – обычная жизнь, о которой он так мечтал, блуждая по темным коридорам, казалась скучной и жалкой. Даже странно, что он стремился к ней недавно. И голода не было. Только тупая боль в животе.

Каменные ступени вели вверх между сложенных из мелких обломков стенок, и за этой щелью скрывался темный туннель – переулок. Крони остановился. Никого сзади нет.

Он переложил сундучок в левую руку.

Крони три раза стукнул в дверь. Подождал и стукнул еще два раза.

Худая девочка со спутанными волосами открыла дверь на два пальца и спросила:

– Чего надо?

– Я к лифтовому мастеру Кгеду, – сказал Крони. – Зубы лечить.

– Ты сегодня поздно, дяденька, – сказала девчонка. – Чего мне принес?

– Ничего нету, – сказал Крони. – Даже кашу отдал.

– Кому отдал кашу?

– Привидению. Оно тебе привет передавало.

Девчонка тоненько взвизгнула. Крони отстранил ее и прошел в низкий, узкий коридор. Через пять шагов справа дверь. Крони толкнул ее.

Чтение было в самом разгаре.

Инженер Рази увидел Крони, но не прервал своей речи. Остальные оборачивались. Крони тихонько сел рядом с парнишкой из рудничной школы, который всегда сторонился трубаря, потому что был чистенький.

– Нам твердят... – продолжал между тем Рази, и Крони постарался не отвлекаться, прислушаться к его словам, хотя знал, что его новости куда важнее слов самого инженера Рази. Это было приятно сознавать, но Крони не спешил. Куда спешить, когда ты среди своих и сундучок лежит на коленях.

— Нас уверяют, — словно издалека донесся голос инженера, — что такой Порядок установлен издавна. Нас уверяют, что не кто иной, как бог Ред и другие боги, велели одним людям жить в вечной полутьме, в грязи, в страхе потерять кусок каши, умирать от болезней и смотреть, как умирают их дети. Да и много ли детей в наших черных катакомбах? С каждым годом их становится все меньше...

В комнате было человек пятнадцать. Крони всех их знал или видел раньше. Лампа под черным колпаком висела прямо над узкой головой Рази, и оттого его одутловатое лицо казалось резким, рубленным, решительным.

Когда Крони в первый раз говорил с Рази, он старался не смотреть на него. Ему страшно было подумать о том, что настоящий инженер, который живет на верхнем ярусе и одевается так чисто, может сидеть рядом с трубарем. Инженер был врагом Порядка, и каждый из пятнадцати, собравшихся здесь, мог пойти в участок, сказать об этом и получить новую комнату или даже подняться на ярус. Но этого не случилось, и Крони знал, что будет первым, кто бросится защищать своего инженера. Потому что в городе, может, сто, может, и больше инженеров, но Рази один.

Вообще-то лицо у Рази доброе. Только маленькое. Крони никогда еще не видел такого маленького инженера. Инженеры хорошо едят, и у них не бывает нарывов. Они не кашляют и не слепнут. Поэтому инженеры всегда выше ростом и крепче, чем трубари, ткачи или рудокопы. Но инженер Рази

был щедрым, как ткач. У него была прозрачная кожа, и под ней видны вены. Он рано облысел, и оттого не поймешь, сколько ему лет, старый он или молодой. Говорил он всегда тихо и медленно, будто каждое слово сначала повторял про себя. Но иногда он заводился, и голос его становился громким и четким – голосом другого человека, большого и сильного, руки казались длиннее, и пальцы подчеркивали слова, ставили точки в конце фраз или взметались восклицательными знаками.

– Детей слишком много, – сказал шахтер, похожий на кусок угля, такой же крепкий и бесформенный, – только мрут они.

Но инженер не слышал его.

– Нам твердят, что люди созданы для жизни в темноте. Так зачем им глаза?

– Чтобы видеть, – ответил кто-то из темноты. – Не будет глаз, как мы вас увидим?

– А в темноте наши глаза не видят, – сказал инженер. – Крысы обходятся без глаз. Мокрицы обходятся без глаз.

– Привидения тоже, – сказал Крони.

– Ну, привидения здесь ни при чем, Крони. Это выдумка, чтобы люди не совали свой нос в пустые коридоры.

– Привидения есть, – сказал Крони. – Я кормил одного.

Все рассмеялись. Даже инженер Рази улыбнулся. Девчонка сунула растрепанную голову в дверь и спросила сердито:

– Хотите, чтобы на улице услышали?

– Чем кормил? – спросил шахтер.

– Чем? Кашей, конечно, – сказал Крони.

– Кашей! – захлебывался молоденький ученик рудничной школы.

А Крони подумал, что коридоры, в которых он провел день, лежат совсем рядом. Любой может туда попасть. Нетрудно. Правда, неизвестно, останешься ли в живых. Но попасть можно. Просто никто не интересуется.

– Успокойтесь, – сказал Рази. – Я продолжаю. Почему у некоторых людей кожа темнее, у других светлее, зачем у одних темные глаза, а у других – светлые? Почему у меня были светлые волосы, а у Крони волосы темные? Кому нужны в темноте эти цвета и оттенки? Вы говорите, что бог дал глаза людям, чтобы они видели, а они в темноте видеть не умеют. Значит, бог придумал и электрические лампы, и масляные светильники? И сразу дал людям?

– Огонь пришел из Бездны, – сказал парикмахер Беги, который был очень образованным, умел читать, учился в школе и должен был стать чиновником, но почему-то не стал.

– А до этого? – спросил инженер. – До этого люди бродили по коридорам и тыкались носами друг в друга? Нет, люди раньше жили в другом месте. Давно, так давно, что все забыли об этом. Мы живем в домах, вырубленных в скалах, ходим по улицам, переделанным из пещер. Но что было раньше? До того, как появился город? Где жили люди раньше?

Крони уже слышал об этом. За годы скитаний по служеб-

ным туннелям он сам додумался до многого из того, о чем говорил инженер. Он знал, что город раньше был обширнее, чем сейчас. Что людей в нем было больше и больше всяких вещей.

– Посмотрите, как плохо работают системы снабжения в нашем городе. Трубарь скажет вам, что все время приходится заменять трубы и кабели. Что с каждым днем все труднее находить замену, и мы все время посылаем специальные отряды в заброшенные уровни, чтобы отыскать там оборудование и вещи, забытые когда-то давно. А что это значит? Во-первых, город когда-то был больше, чем сейчас. Во-вторых, вещи, которых нам не хватает и которые мы не можем делать, например кабели или изоляцию для них, были изготовлены или не в городе, или секрет их изготовления потерян и забыт.

– Правильно, – сказал шахтер. – Мы в прошлом месяце вышли в сектор, о котором никто не знал. Сразу инженер агентов вызвал и нас выгнали. Мы еще удивлялись, откуда за шахтой улица.

– Я утверждаю, что люди раньше жили в другом месте. Много лет назад они пришли сюда и построили город. Их было больше, чем сейчас, и жили они лучше. Но человек не может всегда жить в таком месте, как наш город. Люди постепенно вымирают. Люди обязаны вернуться к себе домой. Куда?

– В Город Наверху, – сказал Крони.

– Да. И я верю, что раньше был Город Наверху. Там, где

светло, где не узкие и темные коридоры, а обширные пространства, где от земли до потолка тысячи локтей...

– Ой, – сказала в восторге девчонка, которая подслушивала.

– Я привел сегодня к нам ученого человека, уважаемого Рал-Родди, который знает больше, чем все чистые, вместе взятые. Он вычислил время, когда мы попали сюда, и знает, где и какой был наш город раньше.

Этого старика Крони раньше не замечал. Он сидел в темноте, за спиной Рази, слушал, сгорбившись на стуле, и лицо его было таким серым, что сливалось со стеной.

Рази сел, и старик вышел вперед, наклонился над столом так, чтобы упереть в стол широкие кисти. Глаза старика были спрятаны глубоко под бровями и казались темными ямами.

– Я давно не говорил с людьми, – сказал старик.

Все, кто был в комнате, затаили дух. К инженеру Рази уже привыкли, он был почти свой. С инженером можно было не соглашаться и даже спорить.

А в старике было что-то окончательное. То, что он скажет, окажется правдой. И в нее надо будет поверить, хочешь ты или нет.

– Люди нашли меня, и я благодарен судьбе за то, что перед смертью могу еще раз сказать правду.

Слова старика были тяжелыми, их можно было держать в руках и ощущать вес.

– Человек был рожден там.

Старик оторвал одну руку от стола и показал ею вверх, и все глазами проследили за движением руки.

– Вам лгут, что мир создан богом Редом и был такой всегда. Мир был другой. Если подняться до последних уровней и пробить землю, то можно выйти к колыбели человечества. Мы обитаем, как крысы, в подполье мира. Настоящий мир в тысячу раз больше нашего. Чтобы добраться до его потолка, надо подниматься целый день по лестнице. В том, верхнем мире никогда не бывает темно. Раскаленный огонь находится на потолке. Но это не тяжелый огонь. Он бесплотен и ярок, и оттого там всегда потолок светится золотом.

Старик опустил руку, закашлялся. Все молчали.

– Но почему этот мир, громадный и прекрасный, был оставлен людьми? Потому что люди оказались недостойны его. Они ссорились, воевали друг с другом. Они убивали детей и женщин, они грабили слабых. И слабые убегали от власти сильных. И тогда сильные поняли, что им нужно загнать людей в клетки, откуда нет выхода. И слабые будут послушны. Сильные ушли вниз, под землю, и увели за собой всех. И живут внизу, и забыли о том, что есть другой мир, и есть свет, и деревья, и реки, золотые от верхнего света. Так я сказал. Я знаю.

Старик медленно опустился на стул и как будто растворился в тени. Только его дыхание, глубокое, как дыхание машины, заполняло комнату.

– А что такое деревья? – тихо спросил юный школяр.

– Это громадные сухие лишайники, – сказал старик. – Они вырастают на много локтей в высоту и закрывают от яркого света людей, если им пришла пора отдохнуть.

– Это не совсем лишайники, – сказал тихо Крони, у которого в чемодане лежала картина. – Они как столб и расширяются кверху.

– Молчи, – оборвал Крони инженер. – Ты опять фантазируешь.

Он не захотел, чтобы старик обиделся.

– Я не фантазирую, – сказал Крони. – И потолок там не золотой. Он голубого цвета с белыми пятнами.

– Крони сегодня в ударе, – сказал веселый Трукоз, писарь с ткацкой фабрики. – Он не трубарь, а сказочник.

Старик ничего не сказал. Он привык, что ему не верят. А Крони не спешил показывать картину. Он покажет ее только инженеру. Только ему, а потом уже они решат, что делать. Есть дела общие, которые касаются всех. Есть дела свои, которыми опасно делиться с другими. Люди с трудом верят в новое. Крони верил легко, и все считали его фантазером. Даже Рази.

Поднялся очень худой, сухорукий человек с желтыми глазами, кипящий подавляемой яростью. Он латал миски и чашки в мастерской на тринадцатом ярусе.

– Мы тратим понапрасну время! – крикнул он. – Всегда тратим время, болтаем, болтаем, скоро старые будем. Дайте мне бомбу, и я взорву всю эту тюрьму.

– Подожди, – пытался остановить его Рази.

– Я уже второй год жду. И Мроки ждет. И второй бородач ждет. А чего ждем? Новых сказок о верхнем городе? Да мне плевать на золотой потолок. Ты мне дай оружие, и я перестреляю всех чистых.

– Тебя раньше перестреляют, – сказал писарь.

Голоса переплетались клубком. Голова Крони гудела от усталости.

– Успокойтесь, – уговаривал инженер Рази. – Вы думаете, что не было раньше горячих голов, которые хватали камень или палку?

– Были, – прогудел из темноты старик. – Я тоже был одним из них. Только давно, очень давно. Мы шли по лифтовым шахтам, а они бросали вниз гранаты с газом. А потом кинули зачинщиков в Огненную Бездну. Они опускали их туда на стальных тросах медленно, чтобы подольше слышать их крики...

– У нас нет оружия, – сказал Рази. – Мы не уверены в том, что за нами пойдут. Многие ли поддержат нас даже на бедных уровнях?

– Нет, – сказал Крони. – В нашем квартале мало кто пойдет.

– Можно послать верных людей, и они доберутся до директоров.

– Убьют их, и что дальше? Будут новые директора.

– И их убить, – настаивал Сухорукий.

– Мы должны учить людей, объяснять им, что так дальше жить нельзя. Мы должны собирать оружие... – твердил Рази.

– Оружие достать можно, – сказал Крони.

– Фантазер Крони, – засмеялся писарь.

Терпение Крони лопнуло. Он выхватил из кармана пистолет.

– Я знаю, где оружие, я знаю, где ящики с патронами! Вы привыкли к тому, что трубарь необразованный, трубарь дурак, от трубаря можно ждать только сказок! Так слушайте мои сказки...

И он вдруг увидел себя со стороны. Оборванный, грязный человек машет пистолетом в полутемной комнате. Люди отшатнулись от него, растерялись, может, не поняли даже, что у него в руке, но испугались крика и жестов.

– И я знаю... – сказал он тихо.

Инженер Рази уже был рядом. Он протянул руку и сказал:

– Дай сюда. Это не игрушка.

– Пусть скажет, где оружие, – сказал Сухорукий. – Это армейский пистолет. Я знаю.

Рази думал. Потом поднял руку.

– Погодите, – сказал он. – Надо поговорить. Я не хочу сказать, что не доверяю вам. Но оружие – это очень важно. А вдруг среди нас окажется человек слабый и Власть узнает об этом? Склад оружия может изменить все. Судьбу всего города. Я прошу разрешения уйти в заднюю комнату. Вместе с трубарем. Пусть он расскажет мне одному.

Рази взял Крони за локоть тонкими несильными пальцами и повел за перегородку. Он включил лампочку. Инженер сел на ящик и показал Крони на второй.

– Ты был сегодня внизу? – спросил он.

– Да. Я не хотел говорить раньше, но так получилось.

– Поздно жалеть, – сказал Рази.

За перегородку зашел старик.

– Мне можно, – сказал он. – Считается, что меня давно нет в живых. А я могу пригодиться.

– Конечно, – сказал инженер. – Говори, Крони. Только коротко.

– Может, подождем, пока все разойдутся?

– Нет. Люди будут ждать, что мы им скажем.

Крони положил на стол сундучок. Открыл его. Сверху лежала картинка. Он выложил ее на стол.

– Там был голубой потолок, – сказал Крони.

Старик наклонился над картиной так, что седые космы почти касались высоких домов и зеленых деревьев.

– Это может быть условность, – сказал старик. – Художнику казалось, что голубой лучше сочетается с белыми домами. Условность.

– Это разве нарисовано? – спросил инженер. – Мне кажется, что это скопировано с действительности каким-то механическим способом.

– Это Город Наверху, – сказал старик. – В нем люди жили раньше.

Старик гладил картину дрожащей ладонью, а Крони захотелось остановить его, потому что ладонь была грязной, почти черной, и картина могла испачкаться.

– Ты нашел библиотеку? – спросил инженер Рази.

– Я нашел библиотеку, но там очень жарко. Книги рассыпаются. Но одну я принес...

Он достал книгу.

– Вот все, что я смог оттуда принести.

Рази быстро листал страницы.

– Это старая книга, – сказал старик. – Настоящая старая книга. Ее печатали наверху...

– Очень интересно, – сказал Рази. – Здесь есть планы секторов. Надо смотреть. Рассказывай дальше.

– Я был в городе Предков и в заброшенных секторах. Привидение показало мне путь туда, где не было раньше людей.

– Опять привидение, – отмахнулся Рази.

– Ладно, – сказал Крони. – Я знаю, что привидений нет, но я его кашей кормил. Оружие лежит недалеко от библиотеки.

Крони попытался объяснить, но объяснения получились бестолковыми. Рази слушал минуты две, потом сказал:

– Сложно. И крысы, и мертвец, и Огненная Бездна...

– Там были сектора. Я слышал, – сказал старик. – Часть города провалилась в Бездну...

За перегородкой послышался грохот, словно свалили целый ряд стульев.

– А-а-а! – крикнул кто-то коротко.

Крик оборвался, и вместо него возник шум борьбы, ругательства и голос:

– Лампу!

Звон. Удары. Голос:

– Ни с места. Будем стрелять!

Кто-то тут же вломился за перегородку и спросил отрывисто:

– Здесь? Кто здесь?

Рази уже тянул Крони за руку вглубь, опрокидывая ящики. Сзади был топот и треск.

Рази, падая вперед, протащил Крони в какую-то щель, сундучок застревал, и казалось, что кто-то его держит. Они бежали по узким каменным ходам, свалились по темной скользкой лестнице, отсчитывая ребрами и локтями ступеньки, и оказались в переулке, за углом большого дома, обитого ржавыми железными листами.

– Беги домой, – прошептал Рази. – Завтра в это же время у лавки Мосили.

– Стой, – сказал Крони, – Я...

– До завтра. Беги, – инженер мелькнул под тусклым фонарем и пропал между домами.

Крони остался стоять. Он понимал, что нужно бежать дальше отсюда, что здесь опасно, что в любую секунду преследователи могут найти тот ход, которым они убежали из дома. Но беда в том, что Крони не знал, куда бежать. Он не

успел сказать Рази, что опоздал вернуться со смены, что его уже ищут, что он не может идти домой, потому что дома уже, наверно, побывал квартальный.

Судьба в течение считанных минут переворачивала жизнь Крони вверх ногами, выкручивала наизнанку. Он пережил окончательное одиночество, когда боролся с крысиной стаей, он познал общение с привидением, в существование которого не верит ни один разумный человек, он вернулся к людям и ощутил свою значимость среди других и тут же вновь оказался один, совершенно один. Нужно отыскать убежище. До завтра. А завтра инженер Рази что-нибудь придумает.

На улице тихо. Горожане уgomонились, заснули дети, и перестали ругаться хозяйки. Скоро погасят верхние лампы, и тогда лишь воры и стражники будут бродить по переулкам, и простому человеку лучше не высовывать носа наружу.

Крони подхватил сундучок и вышел на улицу. Фонари, которые всегда казались такими тусклыми, светили ослепительно. Он старался идти не спеша, как усталый трубач, возвращающийся с обхода. Хотя сам не мог бы сказать, устал или нет. Он был по ту сторону усталости.

– Стой, – сказали ему в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.